

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ

Теодор Северин Киттельсен. Для любого норвежца имя этого художника звучит как приглашение в сказку. Сказку высоких, неприступных гор, каменистых плоскогорий, глухих дремучих лесов, таинственных озёр и — моря, бесконечного и переменчивого, как сама царица-природа, наделившая художника бесценным даром видеть загадочное и необыкновенное — всё, что скрывает она в своих чертогах...

27 апреля 1857 года в маленьком приморском городке Крагерё, что в Южной Норвегии, в купеческой семье родился мальчик, и назвали его родители Теодор Северин. Семья была зажиточной, весёлой, дружной, и рос Теодор в окружении семи братьев и сестёр, не зная забот и печалей. Вместе с друзьями исследовал он окрестные леса, где запросто можно было встретить огромного лесного тролля, вглядывался в озёрца, где в глубине притаился коварный водяной нёкк. Подолгу мог стоять Теодор, любуясь прекрасными цветами и забывая обо всём на свете. А больше всего мальчика влекли к себе море, загадочные островки и скалы, разбросанные вдоль побережья, и корабли — ведь город был торговый, в порту стояло множество судов из разных стран.

Друзья любили собираться на крыльце одной из местных купеческих лавок и рассказывать страшные истории. Непогода, море бушует, скрипят корабельные мачты. До жути хорошо лежать потом ночью, вслушиваться в шторм и представлять себе кораблекрушения, морского царя — хавмана, играющего на арфе на морском дне... Казалось бы, мальчишка как мальчишка. Да не совсем. С детства умел Теодор подмечать всё необычное, странное, смешное, и не только подмечать, но и зарисовывать. Особенно удавались ему карикатуры на горожан.

Постепенно в душе мальчика зрела мечта — стать художником. Но на пути к этой мечте ему, как настоящему сказочному герою, пришлось пройти не одно испытание.

Когда Теодору исполнилось одиннадцать лет, умер его отец. Семья потеряла кормильца, и мальчику пришлось самому зарабатывать на жизнь. Кем только не работал Теодор: и помощником часовщика в родном городке, и подмастерьем маляра в столице, носившей тогда название Кристиания, пока волею судеб не ока-

зался в соседнем городе Арендале. Там он поступил учеником к немцу-часовщику Штейну. Хозяин только вздыхал да охал: «Ну какой из тебя выйдет часовщик, если ты всё время только и делаешь, что мечтаешь?!». Однако рисунки Теодора так ему нравились, что в один прекрасный день он собрал их и отнёс показать одному из самых знатных горожан. Известный покровитель искусств Дидерик Мария Олл сразу оценил талант Киттельсена и пригласил его к себе. Так Теодор встретился со своим волшебным помощником. Убедившись в решимости юноши стать художником, Олл объявил, что собрал необходимые средства и теперь Киттельсен должен немедленно отправляться в Кристианию учиться. Теодор не мог поверить своему счастью и в волнении принялся благодарить благодетеля.

Но как бы то ни было, а сказка стала реальностью, и осенью 1874 года семнадцатилетний Киттельсен уже приступил к занятиям в художественной школе архитектора Вильгельма фон Ханно, а по вечерам брал уроки рисования с натуры у известного скульптора Юлиуса Мидцельтуна. За два года в Кристиании Теодор многому научился. Но как станешь настоящим художником, не поучившись за границей?! В те времена в Норвегии столицей изобразительного искусства считался Мюнхен, вот добрые учителя Теодора и похлопотали за него перед Оллом, который с радостью отправил юное дарование в Мюнхенскую академию художеств.

Два года в Мюнхене стали одними из самых безоблачных в жизни Киттельсена. Здесь он обрёл много новых друзей среди земляков-однокашников, здесь судьба свела его с Эриком Вереншёллом, вместе с которым он будет иллюстрировать норвежские народные сказки. В местных кабаках зоркий глаз художника находил множество забавных типажей и характеров для своих карикатур, а в окрестных Альпах — прекрасные виды для пейзажей. Здесь Киттельсену пришла идея проиллюстрировать знаменитую драматическую поэму Хенрика Ибсена «Пер Гюнт».

Тем горше было, когда в 1879 году пришло известие, что Дидерик Мария Олл больше не в состоянии оплачивать пребывание Киттельсена за границей, и в 1880 году Теодор вернулся домой. Но, как и в каждой сказке, не бывает худа без добра.

В Норвегии тем временем только что вышло первое иллюстрированное собрание норвежских народных сказок Петера Кристена Асбьёрнсена и Йогена Му, которых по праву называют норвежскими братьями Гримм. Оно принесло славу художнику-иллюстратору Эрику Вереншёллу. Неутомимые собиратели сказок уже планировали следующее издание, и Вереншёлл предложил в качестве ил-

люстратора кандидатуру своего однокашника Киттельсена. Правда, Асбьёрнсен после знакомства с его работами выразил опасение, как бы такие рисунки не напугали детей, но его сомнения не оправдались. Время подтвердило: если кто из норвежских художников и может рисовать волшебных существ будто с натуры, то только Киттельсен.

Отныне в жизни Теодора сказка и действительность соединяются навсегда, а кроме того, становится ясна его судьба — он будет иллюстрировать книги. Однако к иллюстрации народных сказок художник снова вернётся только через долгие двадцать лет. А пока продолжаются его путешествия по миру.

В 1883 году Киттельсен получает стипендию и едет в Париж, но, не прижившись там, снова отправляется в Мюнхен. За границей ему приходится нелегко — денежные невзгоды ещё можно было бы перетерпеть, хотя ему временами и приходится голодать, но вот тоска по родине становится нестерпимой. «Мне более всего по душе таинственное, сказочное и величественное в нашей природе, и, если я не смогу впредь совмещать свою работу с разумным изучением природы, боюсь, невольно отупею в своих чувствах. Мне становится всё яснее, что я должен делать, у меня всё больше и больше идей — но мне необходимо вернуться домой, иначе из этого ничего не выйдет», — пишет он в письме Андреасу

Ауберту. И снова на помощь приходят друзья. Они собирают деньги на билет, и весной 1887 года Теодор возвращается на родину.

А там Киттельсена ждёт новое путешествие, на сей раз в настоящую сказку. В 1887 году мужу его сестры предлагают место смотрителя маяка на самом севере Норвегии, на Лофотенских островах, и Теодор отправляется с ними. На крохотном, обдуваемом всеми ветрами островке Скумвэр Теодор продолжает работу над иллюстрациями к «Перу Гюнту», а главное, создаёт свою самую сказочную книгу «Волшебство». В ней в полной мере раскрывается дар художника видеть существ, издревле обитающих по соседству с людьми: на хуторе, в дремучих лесах, непроходимых горах, рокочущих водопадах, тихих лесных озёрах и бурлящем штормовом море.

В этой книге благодаря Теодору Киттельсену мы знакомимся с норвежским домовым ниссе; со скрытым народцем, живущим в своём, но так похожем на людской мире; с коварной обитательницей норвежских лесов красавицей хюльдрой; с вселяющим ужас духом утопленников драугом, чей крик предвещает рыбакам скорую гибель; с королями царства гор великанами-ютулами и, конечно же, с троллями. Художник не только пишет «портреты» фольклорных персонажей, но и сочиняет про каждого из них истории, основанные на быличках и преданиях, а их уже не одно поколение норвежцев считает самой что ни на есть правдивой правдой.

Суровая и таинственная северная природа и живущие там мужественные люди вдохновляют Киттельсена на создание ещё двух книг — серии пейзажей и бытовых зарисовок «С Лофотенских островов» I и II, в которых находит своё выражение его талант художника и рассказчика.

Пока книги ждут своего часа, чтобы встретиться с читателем («С Лофотенских островов» были изданы в 1890—1891 годах, а «Волшебство» — в 1892 году), Киттельсен уезжает на юг страны, где продолжает писать пейзажи. А сказка идёт за ним по пятам. В 1889 году Теодор встречает свою принцессу, уроженку, пожалуй, одного из самых сказочных городков Норвегии Дрёбака, считающегося родиной юлениссе, норвежского Деда Мороза. Инга Кристине Дал на одиннадцать лет моложе своего избранника, однако, несомненно, обладает всеми необходимыми талантами, чтобы стать спутницей жизни художника и разделить его непростую судьбу. Их брак становится настоящим благословением, и у счастливых родителей один за другим появляются на свет девять детей.

У Киттельсена начинается самый плодотворный период творчества. Он много выставляется, готовит к изданию альбом «Времена года» (1890), серию акварельных пейзажей «Йомфруланн» (1893), возвращается к своей любимой карикатуре и анималистике в альбоме «Есть ли у животных душа?» (1894), создаёт один из шедевров графического искусства — книгу «Чёрная смерть» (1900), пишет пейзажи, среди которых стоит особо упомянуть серию «Тирилиль Тове» (1900), где каждое дерево, сук, корень или пень буквально оживают и превращаются в сказочное существо, выполняет заказ для оформления здания только что построенной на водопаде Рjukan гидроэлектростанции (1907), иллюстрирует книги, в том числе и народные сказки. В 1908 году Киттельсен становится кавалером ордена Святого Улава, высшей государственной награды Норвегии.

Однако, несмотря на признание и успех, прокормить семью художнику трудно. Супруги часто переезжают, пока наконец в 1899 году не находят место, в которое невозможно не влюбиться: в долине Сигдал нежно шелестят листвой берёзы и осины, с возвышенности открывается завораживающий вид на озеро, а за ним, насколько хватает взгляда, возвышаются горы. Киттельсен называет новую усадьбу поэтическим именем Лаувлиа. И дом строит имени под стать — настоящий сказочный терем. Ведь у Теодора много талантов — он ещё и прекрасный резчик по дереву. Да и Инга Кристине просто мастерица — и прясть, и шить умеет, по словам самого Киттельсена, «как и подобает бедной принцессе, пленённой в горе троллем». И для детей лучше дома не найти. Семья часто бывает на природе, мать обучает детей грамоте, а отец делится с ними секретами художественного мастерства.

Но суровая действительность снова вмешивается в сказку. В 1910 году из-за денежных затруднений Киттельсен вынужден продать Лаувлию. Семья снова переезжает, на сей раз в пригород Осло. Болезни и ощущение безнадёжности мучают Теодора. Наконец в 1911 году приходит спасительная весть: стортинг, норвежский парламент, назначает художнику национальную стипендию. В том же году Киттельсен издаёт автобиографию с характерным названием «Люди и тролли. Воспоминания и мечты», лирический рассказ о своей жизни, сопровождаемый любимыми стихами и рисунками. На следующий год семья покупает дом на живописном острове Йелёй, недалеко от дома другого знаменитого норвежского художника, Эдварда Мунка.

Здесь, спасаясь от болезни и одолевавших его тревог и печалей, Теодор снова погружается в любимый мир народной фантазии. Киттельсен не прекращает работать до последнего дня, 21 января 1914 года.

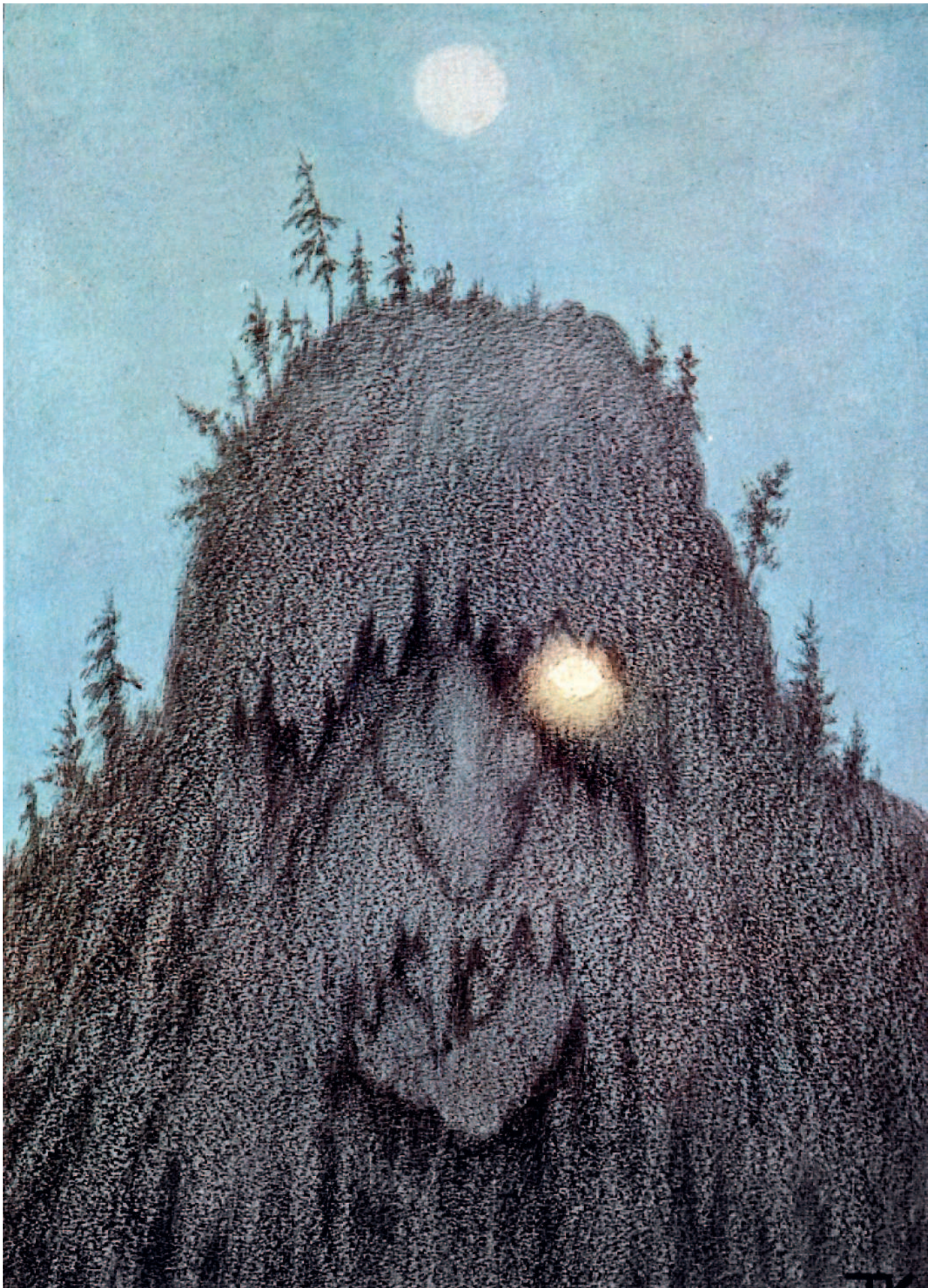
Th. Kallmüller

По словам его друга, художника Кристиана Скредсвига, «после смерти Киттельсена мир будто опустел. Киттельсен был уникален... Никто с ним не сравнится... Даже тролли исчезли вместе с ним навсегда. Во всяком случае, я с тех пор их больше не видел». Но ведь сказка на то и сказка, чтобы никогда не кончаться плохо. Книги и картины художника продолжают жить. Благодаря им мы снова и снова имеем возможность заглянуть в страшноватый, но удивительный мир троллей, полюбоваться одухотворённой художником природой и, быть может, тоже научиться видеть красоту и загадки окружающего нас мира.

Елена Рачинская

ВОЛШЕБСТВО

ЛЕСНОЙ ТРОЛЛЬ

Лес, бескрайний и дикий, оставил в нас свой след, мы стали частью этой природы. Мы любим лес таким, какой он есть, — сильным и мрачным. Детьми смотрели мы вверх, на шумящие ветви сосен и елей. Глазами и душой следили за мощными стволами, взбирались по ним, цепляясь за их узловатые ветви-руки, туда, наверх, на самую верхушку, качающуюся от ветра, — в эту прекрасную синеву.

Садилось солнце. На поляны плотной пеленой опускались одиночество и покой. Казалось, земля не осмеливается перевести дыхание, а лес застыл в безмолвном ожидании. Только сердца наши бешено колотились. Мы хотели ещё — мы просили, мы умоляли, мы требовали сказок! Суровых, диких сказок для нас, бедных детей.

И лес дарил нам сказку.

Она бесшумно подкрадывалась, словно на мягких кошачьих лапах.

Всё, что до этого точно окаменело, теперь начинало двигаться.

Вдалеке подалась вперёд поросшая лесом гора. Удивление и страх будто бы витали над ней... Вот у неё появились глаза... она пошевелилась и направилась прямо к нам! А мы замирали от восторга и ужаса, мы всей душой любили это чудо!

Это же лесной тролль! В его единственном глазу были для нас страх и ужас, золото и богатство — всё то, чего жаждала наша детская душа.

Мы хотели бояться — но мы хотели и противостоять этому страху! Такие маленькие, мы мечтали подразнить тролля, догнать его и украсть его золото. Но больше всего мы хотели заполучить его светящийся глаз. Подумать только! У такого ужасного тролля — такой чудесный глаз!

Он светился и переливался, как ясный день посреди тёмной ночи. То, чего ты раньше не замечал, о чём даже и не думал, отражалось в нём и становилось прекрасным. Лесной ручей струился с серебряным журчанием, сосна расцвела красноватыми шишками, даже неприметный мох на скале сверкал будто россыпь драгоценных камней, и хотелось упасть и прижаться к нему, как к материнской груди.

— Мы любим тебя, глухой, тёмный лес, таким, какой ты есть, — сильным и мрачным. Ты наша любимая книжка с картинками: вот белка грызёт шишку, синица выглядывает из сосновых веток, медведь ревёт в рощице. И лесной тролль идёт, тяжело ступая и держа голову высоко над верхушками деревьев: «Бу, бу!».